

500 лет назад Томас Мор написал книгу «Утопия». Название стало нарицательным и для критиков несбыточных мечтаний, и для поклонников поиска справедливого устройства мира. Автора потом приобщили к лику святых. Но об «Утопии» вот уже полтысячи лет продолжают спорить

Полное название книги «Золотая книжечка», столь же полезная, сколь и забавная о наилучшем устройстве государства и о новом острове «Утопия». Мор написал ее в 1516 году на латыни, а его близкий друг Эразм Роттердамский отредактировал и издал у себя во Фландрии (ныне Бельгия). Автору с книгой повезло: она принесла ему мировую славу. Эта слава, правда, в реальной жизни Мора не выручила...

От взлета до эшафота

Томас Мор родился в 1478 году, что называется, в переломное время — в конце Средневековья и в начале той славной эпохи, которую сейчас мы зовем Возрождение. Рос и воспитывался в привилегированной среде, учился в Оксфорде, а выбирая карьеру, колебался между монашеством и юриспруденцией. Все же пошел в юристы, а потом началась его политическая карьера. В 1504-м Мор стал членом Палаты общин, в 1523 году – ее спикером. Это было время Генриха VIII, который у потомков обретет славу, похожую на славу Ивана Грозного. Как за усиление центральной власти в едином авторитарном государстве, так и за разводы и женитьбы. Английские школьники историю жен Генриха учат по считалке *divorced, beheaded, died – divorced, beheaded, survived* – развелся, казнил, умерла – развелся, казнил, пережила.

Первый развод Генриха VIII и сыграл роковую роль в судьбе Мора. К тому времени, в 1529 году, Мор занимал пост лорд-канцлера, то есть второго человека в стране после самого короля. Современники оценивали его как крайне «эффективного менеджера»; он мудро и необычайно быстро принимал решения, добивался их исполнения. Выполнял и особые поручения короля во внешней политике. Но на особом, самом важном поручении короля споткнулся.

Генрих мечтал о наследнике, а с тогдашней королевой Екатериной Арагонской никак не получалось. У короля начался бурный роман с рыжеволосой задорной красавицей Анной Болейн (она Генриха потом тоже разочаровала и лишилась головы, но оставила дочь – будущую королеву Елизавету I). Король решил жениться по любви, на Анне, и отправил Томаса Мора к папе римскому устраивать развод (у Святого престола тогда была монополия на регистрацию королевских «актов гражданского состояния»). Мору миссия, увы, не удалась. Генрих тогда осерчал и устроил у себя Реформацию, то есть решил сам стать во главе Церкви.

Так возник конфликт, стоивший Мору жизни. Когда Генрих разорвал связи с папой, развелся с Екатериной и женился на Анне Болейн, каждый англичанин должен был принять присягу на верность новому порядку – подтвердить Акт (закон) о супрематии 1534 года. Отказ от этого приравнивался к государственной измене. Томас Мор как ревностный католик не мог поступиться принципами и попал под суд. Деталь истории: среди судей были отец новой королевы, ее брат и дядя. Мору отрубили голову, насадили на пику и выставили на Лондонском мосту (дочь Мора, Маргарет, потом подкупила стражу, выкрала голову и похоронила).

То, что святой Мор был мучеником идеи, жертвой тирана-самодержца, освятило и его личность, и его ставшую бессмертной книгу.

Открытый финал

Книга построена как разговор самого Мора с путешественником Рафаилом Гитлодеем, который побывал в Новом Свете вместе с экспедицией реального исторического лица, итальянца Америго Веспуччи. По капризу автора путешественники прибывают в островное государство Утопия и так им поражены, что решают там пожить. Рафаил рассказывает Мору о политическом, экономическом, общественном и религиозном устройстве жизни в диковинной стране, начиная с программного пояснения: «Где только есть частная собственность, где все меряют на деньги, там вряд ли когда-либо возможно правильное и успешное течение государственных дел». Утопия живет иначе: без частной собственности и денег, города и села на острове процветают, везде изобилие и порядок. Люди работают по шесть часов в день. В остальное время занимаются науками и искусствами. Работают все работоспособные, причем регулярно сменяют род деятельности, от городской к сельской. Все продукты потребления жители Утопии получают с общественных складов, причем каждый может брать, сколько ему нужно. Трапезы коммунальные – каждая община ест совместно. Домашняя кухня не одобряется, потому что «непристойно и глупо» трудиться над приготовлением худшей еды, когда во «дворце», расположенном поблизости, еда и так «роскошная и обильная». Получается, что если ты готовишь дома, то это воспринимается как неодобрение общественного устройства, даже протест. Рассказ о прелестях утопического общепита раскрывает важную особенность быта тамошних граждан: полную открытость, или, как мы сейчас сказали бы, «прозрачность». Ничего скрыть нельзя, двери в жилищах легко открываются, вся жизнь на виду.

Автор с видимой симпатией относится к коммунальной уравниловке, посмеявшись только над одним странным установлением: перед свадьбой жених и невеста должны быть показаны друг другу без одежды, в голом виде. Эта презентация также проходит под надзором «отца общины» – сифогранта с помощником. Мор отмечает, что в Утопии строго с прелюбодеянием – можно попасть в рабство, а можно и под казнь. Впрочем, иногда, по согласию супругов, допускается и развод. Другая необыкновенная черта устройства Утопии – религиозная терпимость: разные верования мирно уживаются друг с другом.

В Утопии, как мы узнаем из книги, нет ни пивных, ни винных лавок. Ни борделей, ни других увеселительных заведений. Но Гитлодей уверяет Мора, что главной ценностью в жизни утопийцев считаются удовольствия – науки, искусства, религиозные действия. Счастливые утопийцы носят одинаковую одежду и одинаковые серые плащи (так и напрашивается сравнение со страной победившего чучхе). Есть в Утопии и другие прелести, кажущиеся Мору прогрессом, а нам, сегодняшним, напоминают скорее о кошмарах стандартизации: все 54 города страны спланированы совершенно одинаково. Так что, с восхищением отмечает Гитлодей, житель одного города, попавший в другой, ничуть не растеряется – все точно такое же (узнаете завязку народной комедии «Ирония судьбы...»?).

Есть в Утопии и прописка, и паспорта: гражданин может отправиться за город погулять только с разрешения начальства. То же необходимо, чтобы поехать в другой город. Нарушение этого правила наказывается, а за повторное грозит обращение в рабство! Да-да, в коммунистической Утопии существует рабство. Изобилие при щадящем трудовом режиме достигается именно тем, что все самые тяжелые и грязные работы выполняют рабы. Их армию Утопия пополняет или из приговоренных собственных граждан, или покупая преступников в соседних странах. Рабы заняты работой

постоянно, а если кто сопротивляется и бунтует, тех казнят (нетрудно, наверное, увидеть тут идею будущего ГУЛАГа с его трудовыми армиями). Еще одна знакомая нам особенность Утопии – стукачество. Раб, донесший о преступном замысле другого раба, получает свободу, а если свободный гражданин Утопии поможет беглому рабу, его самого обращают в рабство. Это не смущает Гитлодея. «Легко можно видеть, насколько они (эти законы) человечны и удобны», – говорит он.

В книге Гитлодей и Мор так и не закончили свою беседу. Автор Мор замечает, что не все в рассказе об Утопии ему понравилось, обещает поспорить и дорасспросить. В этом главный парадокс «Утопии» и главная загадка: а сам автор как относится к рассказанному? Может, это вовсе не идеальная республика будущего, а предупреждение? Или вообще средневековый стеб?

Без ответа остается и вопрос: почему, если ему так все там нравилось, Гитлодей уехал из Утопии?..

Бессмертный жанр

Новые версии рассказов об идеальном государственном устройстве с той поры стали не просто модным развлечением «интеллектуальной элиты», а целым направлением не только в литературе, но и в прикладных политических науках.

Первые упражнения на тему «Утопии» появлялись сразу после Мора и даже были массовыми, вплоть до Французской революции XVIII века. Да и потом утопии как популярный жанр исправно продолжали плодиться. Взять хотя бы роман Чернышевского «Что делать?» с описанием общества будущего в снах Веры Павловны.

Появились и антиутопии. Далекая вымышленная страна (а в наши дни уже и планета) предстает в разных вариантах миром ужаса, подавления в человеке всего человеческого. Одна из первых в мировой литературе антиутопий, кстати, была написана современником Пушкина князем Владимиром Одоевским. В повести «Город без имени» (1839) он рассказывает о встрече в США с последним оставшимся в живых жителем колонии, где граждане последовательно ликвидировали одну группу паразитов и эксплуататоров за другой, пока никого не осталось.

XX век с его мировыми войнами, глобальными катастрофами, геноцидом и тоталитарными экспериментами стал особенно урожайным на антиутопии. Одной из первой литературных реакций на ставшие вполне реальными политические утопии был роман Евгения Замятина «Мы» 1920 года. В стеклянных домах живут люди в одинаковых «унифах», без имен, только под номерами; режим во главе с вождем Благодетелем контролирует все, вплоть до интимной жизни, а отступникам делают меняющую личность операцию на мозге...

Две самые, наверное, известные антиутопии – это «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли (1932) и «1984» Джорджа Оруэлла (1949). Эти два англичанина развернули идеи Замятина совсем по-разному. Хаксли описывает общество будущего, где контроль осуществляется через удовольствия и дешевые наркотики. У Оруэлла тоталитарный режим держит партия – через насилие, слежку, переписывание истории и нагнетание истерической ненависти к врагам, внутренним и внешним.

Эти романы дошли до нашего читателя только в годы перестройки. Советским историкам непросто приходилось и с толкованием «Утопии» самого Томаса Мора. Одни говорили: вот он, предтеча научного коммунизма, все, что в программе КПСС предусмотрено, все у него описано. Другие: нет, как же так, если мы признаем Мора

предтечей, мы дадим оружие идейным противникам. Тогда и тотальный контроль, и рабство – черты коммунизма. Так и не смогли при советской власти определиться. Впрочем, не совсем так. Поначалу было иначе: пришедшие к власти большевики в качестве первого образца «монументальной пропаганды» переделали памятную стелу в Александровском саду у Кремля – вместо имен самодержцев на стеле появился «хит-парад» революционных деятелей и мыслителей, всего 19 человек. Его составили не по хронологии, а именно по значению. В том списке первыми были, конечно, Маркс и Энгельс, но на 9-м месте стояло имя Томаса Мора.

По мере «революционного строительства», восприятие большевиками Мора стало портиться.

Первым об этом заговорил английский писатель-фантаст Герберт Уэллс, сам создавший несколько романов-утопий, но с удивлением подметивший враждебное отношение большевиков к утопиям: «Марксистский коммунизм всегда являлся теорией подготовки революции, теорией, не только лишенной созидательных, творческих идей, но прямо враждебной им. Каждый коммунистический агитатор презирает «утопизм» и относится с пренебрежением к разумному планированию».

Наблюдения Уэллса раскрывают причину сложных отношений с «Утопией» Мора.

В борьбе идей между консерваторами-традиционалистами и социалистами-преобразователями, да и у социалистов друг с другом «Утопия» довольно скоро превратилась в символ чего-то неосуществимого, в мечту, в то, чего нет и быть не может просто потому, что не может быть никогда. И даже больше – в нечто опасное, угрожающее естественной природе людей и их способности самоорганизовываться. Сейчас мы не спорим о правильном марксистском толковании «Утопии», но кто скажет, что спорить о справедливом общественном устройстве мы перестали и что это не нужно? Чем мы готовы пожертвовать ради утопии, а чем – нет, с этим люди еще не договорились. А спорам уже 500 лет...

Александр АНИЧКИН.

(«Огонек»)